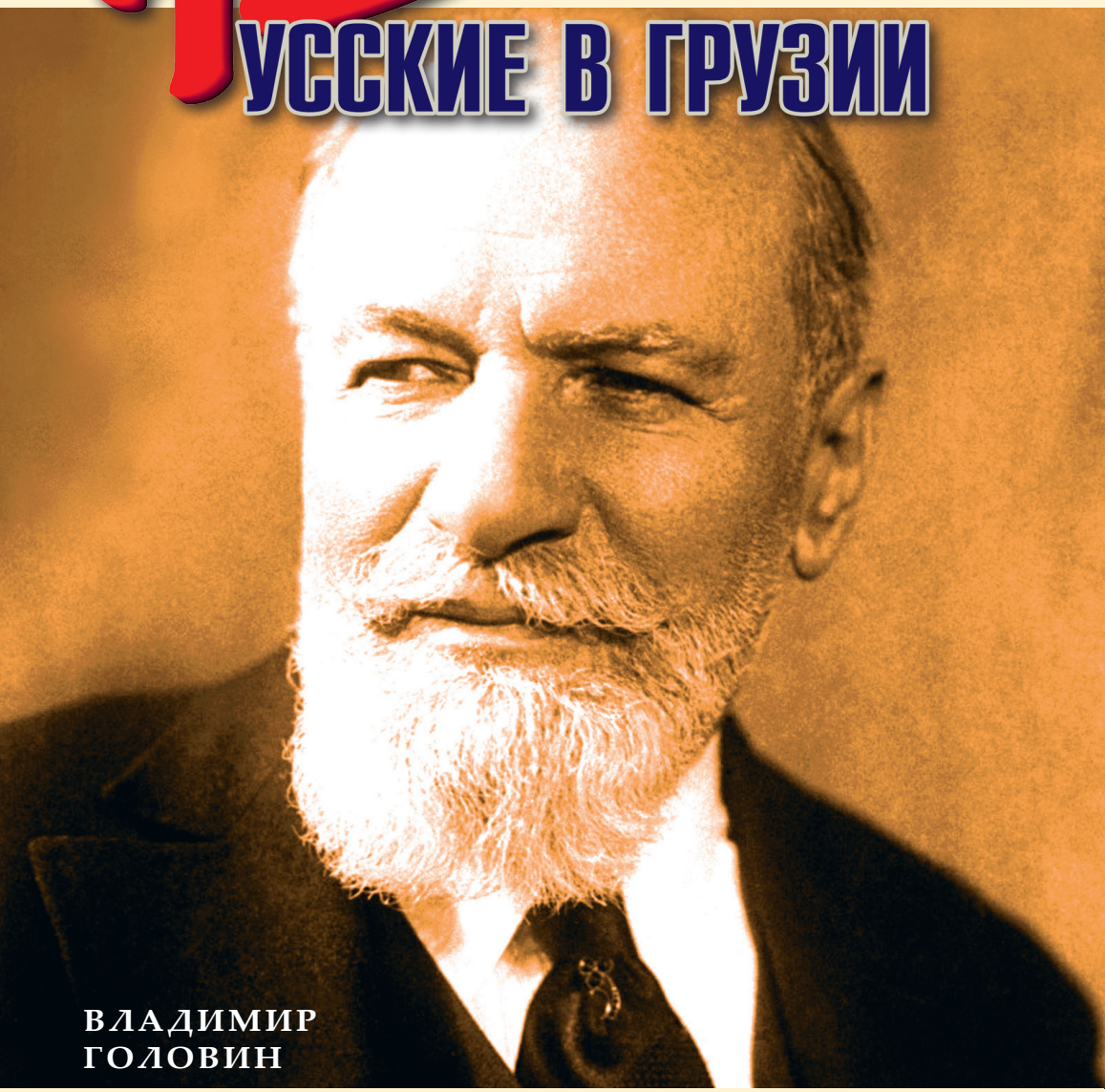
Русские в Грузии



ВЛАДИМИР
ГОЛОВИН

ОПЬЯНЕНИЕ ТЕАТРОМ ПО-ТБИЛИССКИ

ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

В. И. Немирович-Данченко
1915

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА **«РУССКИЙ КЛУБ»**

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

ОПЬЯНЕНИЕ ТЕАТРОМ ПО-ТБИЛИССКИ

ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Тбилиси
2015

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни была заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

Sponsor

VTB

Издание осуществлено при поддержке
ОАО Банк ВТБ

© **Русский клуб**. *2015*
ISBN 978-9941-0-7808-8

Этот сын украинца и армянки, родившийся в Грузии, ощущал себя русским и, по сути, был таковым, войдя в историю как реформатор целого пласта российской культуры. А конкретно – театра. Создатель новой эпохи в этом виде искусства прожил большую жизнь, вместившую несколько исторических эпох – от крепостного права до Второй мировой войны. И первым шагом к театру стало его тифлисское детство, давшее миру кулис одного из двух корифеев, чьи имена сейчас звучат неразрывно. Владимиру Немировичу-Данченко, соратнику Константина Станиславского, судьба уготовила провести в Грузии два полярных периода его долгой жизни – взросление и старость.

ТРЕТИЙ СЫН БРАВОГО ПОДПОЛКОВНИКА

Говоря о том, какой именно грузинский город стал местом рождения великого русского режиссера, одни его биографы называют Тифлис, другие – Поти, третьи – Озургети. Последнее ближе всего к правде, но и это – неточность. Владимир Иванович увидел свет в гурийской деревне Шемокмеди рядом с последним из перечисленных городов. Каким же ветром занесло туда его отца Ивана Немировича-Данченко – потомка одного из запорожских казаков, получивших дворянство после того, как Богдан Хмельницкий даровал им поместья за битвы с поляками? Ведь его род вписан в родословные книги далеких от этих мест Казанской и Черниговской губерний. И во второй из них, в селе Кневичи Новозыбковского уезда у отца будущего режиссера даже было небольшое поместье. Сыгравшее трагическую роль в его судьбе.

Старший Немирович-Данченко, мелкопоместный дворянин, предки которого воевали и с поляками, и с татарами, и с турками, воспитывался в Петербургском кадетском корпусе, однако окончить это престижное учебное заведение не смог – за чтение запрещенной литературы

▲ **Иван Немирович-Данченко**

его исключают. Но Иван Васильевич не меняет профессию – его отправляют на Кавказ, где он прослужил сорок лет, участвуя во всех крупных военных кампаниях.

Как и Александр Грибоедов, он женился на юной уроженке этого края, но не на грузинке, а армянке – Александре Якубовой (Якубян), дочери тифлисского коллежского асессора. «Надо сказать, что к самому подполковнику в полку относились двояко. С одной стороны – не могли не уважать за веселый и хлебосольный малороссийский характер. С другой – его женитьба на красивой армянской девушке воспринималась, как не совсем верный шаг, межнациональные браки расценивались тогда как чудачество». Как бы то ни было, Иван Васильевич исколесил с семьей весь Кавказ – от Дербента на севере до персидской границы на юге, от Каспия на востоке до Черного моря на западе.

В Шемокмеди он попадает по долгу службы в Кавказском линейном 32-м батальоне, и семью его принимает дом именитого дворянина, литератора Антона Думбадзе. Тот участвовал в Крымской войне и поддерживал связь со многими русскими офицерами передовых взглядов. А дом его стал своеобразным культурным центром, в котором бывавшие в Гурии литераторы, музыканты, художники встречались с местной интеллигенцией. Через десятилетия здесь появится музей Немировича-Данченко, просуществовавший с 1983-го до начала 1990-х. А вот – письмо, написанное в 1858 году Матушей, одной из дочерей Думбадзе, сестре, живущей в Тифлисе. В нем – извещение о рождении именно в этом доме третьего сына бравого подполковника – Владимира.

После этого уже можно прочесть запись в «метрической книге троечастной, хранящейся при церкви Кавказского линейного №32 батальона во имя Успения пресвятыя богородицы, за тысяча восемьсот пятьдесят девятый год в мужской графе под №1». Она засвидетельствовала «1858 года декабря 11 дня рождение, а генваря 18 дня 1859 года крещение» мальчика по имени Владимир. Крестными родителями стали «Озургетский уездный начальник, по армии капитан и кавалер Александр Николаев сын Подколзин и Озургетской городской полиции надзирателя князя Цулукидзе жена Ма-

рия Георгиева Цулукидзева». Ну, а «таинство крещения совершил батальонный священник Иоанн Шменев с церковниками Петром Гладким и Алексеем Поповым».

Подполковник Немирович-Данченко уходит в отставку в начале 1863-го и уезжает с семьей в родное село на Черниговщине. Там и завершает свои дни. Но в Гурии бытует собственная версия его судьбы. В региональной неправительственной организации, занимающейся вопросами сохранения культуры, называя Ивана Немировича-Данченко капитаном, рассказали корреспонденту журнала «Русский клуб», что сей офицер был персонально послан в этот регион Грузии для исправления… дипломатической ошибки. Мол, в Андрианопольском мирном договоре, завершившем русско-турецкую войну 1828-1829 годов, русские дипломаты ошиблись в названиях рек, спутав Чорохи с Чолоки. «…В результате чего 50 гурийских селений оказались на территории Турции. Император был страшно разгневан. «Чего бы я не отдал за то, чтобы мои дипломаты оказались более способными», – сказал он». Такова завязка сюжета. Продолжение этой версии гурийцев, чтящих память о русском офицере и его семье, мы видим в уже упомянутом журнале:

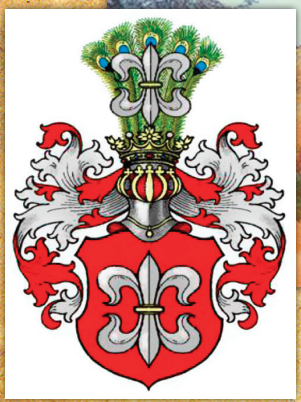
«Ошибку пришлось исправлять капитану Ивану Васильевичу Немировичу-Данченко. Он возглавил группу политиков и военнослужащих, посланных в Грузию с целью уточнения границ, и был направлен в дом Антона Думбадзе – именитого человека, приближенного к правителям Гурии князьям Гуриели… И.Немирович-Данченко сыграл значительную роль в решении проблемы спорной территории. В результате Гурии было возвращено пятнадцать селений. Гурийцы по сей день благодарны Ивану Васильевичу за его благородную миссию. Капитан Немирович-Данченко не захотел покинуть полюбившийся край, решил навсегда обосноваться в селе Шемокмеди. Собирался построить дом, но не успел – вскоре скончался. Ивана Немировича-Данченко похоронили на территории монастыря Шемокмеди. Сегодня никто не может точно указать, где находится могила, однако старожилам приблизительно известно место захоронения русского военнослужащего – на участке перед монастырем, прямо у подножия крепостной стены».

Все это, конечно же, очень интересно, но... В официальных биографиях Владимира Немировича-

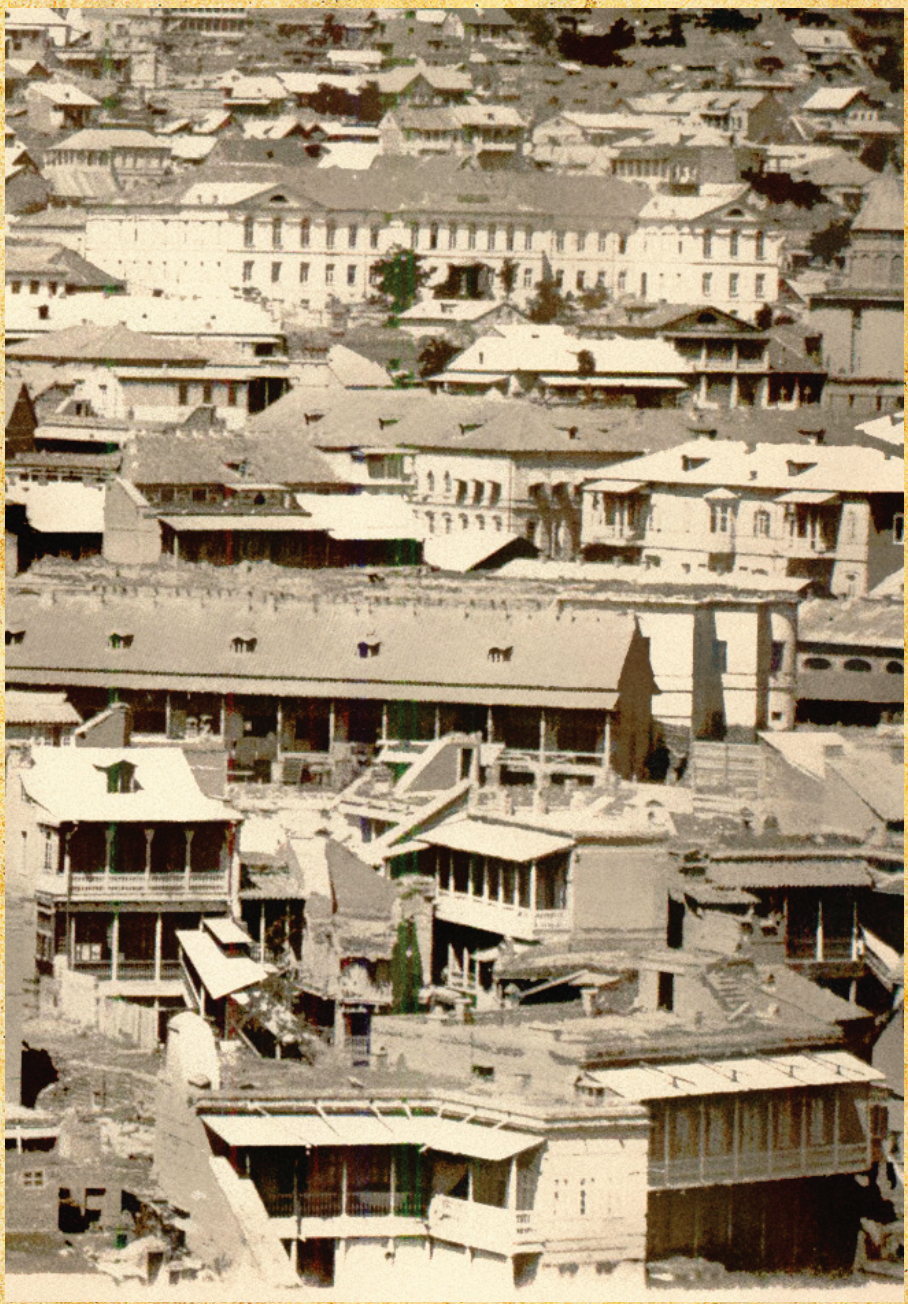
▼ В этом доме родился Владимир Немирович-Данченко

Знамя Кавказского линейного
№32 батальона

Парадная форма офицера
Кавказского линейного
№32 батальона



Фамильный дворянский герб
Немировичей-Данченко



Тифлис. 1870-е гг.

Данченко указывается, что его отец скончался в Кневичах от отравления угарным газом и что «подполковника отпели и похоронили на местном кладбище близ храма Рождества Богородицы». А детализирует это печальное событие уже сам Владимир Иванович, взглядом пятилетнего мальчика: «Отец мой, брат Иван и слуга Николка были в бане и все трое там угорели. И когда спохватились, то отец был мертв, а Иван и Николка были в обмороке… И у меня осталась в памяти картина лежащего на диване отца, на другом диване – брата Ивана, который еще не пришел в себя, и на кресле между ними – мать, плачущая и кормящая в это время самого младшего сына, Михаила». Так что подполковник отнюдь не решил «навсегда обосноваться в селе Шемокмеди».

Но знаете, дорогие читатели, что приходит на ум, когда сопоставляешь все эти факты? А ведь это замечательно! Замечательно, что в Грузии до сих пор живет подобная легенда, я бы даже сказал – этакий эпос о русском офицере. Который, как и положено былинному герою, переставлял границы, жил жизнью страны, принес ей пользу и даже желал навсегда остаться в ее земле. И особенно примечательно, что этот офицер не исчез из памяти грузинской и в те смутные годы, когда в Шемокмеди перестали существовать его дом-музей с памятником, и в нынешнее время, ох, каких непростых отношений между Россией и Грузией.

«НЕ ВЫПУСКАЮЩАЯ ИЗ СВОИХ ЧАР АТМОСФЕРА ТЕАТРА…»

Но вернемся в 1863 год. Именно тогда, когда трагедия на Украине перечеркивает налаженный быт многодетной семьи Немировичей-Данченко, в Москве, в доме известного промышленника Сергея Алексеева рождается мальчик Костя. Ему предстоит стать великим Станиславским, и имя его войдет в историю рядом с именем третьего сына угоревшего подполковника... А тогда

▼ Головинский проспект. 1870-е гг.

Владимиру с матерью, братьями и сестрой нелегко пришлось без кормильца. Номинальными владельцами небольшого села Кневичи стали братья покойного Ивана Васильевича, которых было аж пятеро. Вдова их брата Александра Каспаровна чувствовала себя чужой, к тому же, как свидетельствуют современники, она не очень хорошо говорила по-русски. Так что пришлось возвращаться в родные края.

Там они сначала живут в нынешнем Тетри-Цкаро, тогда это был поселок Белый Ключ, потом перебираются в столицу Грузии: «Рос я в Тифлисе… жил сравнительно очень небогато. В моем распоряжении был только угол в комнате с большим окном». И вот тут-то надо вспомнить, что в Гурии утверждают: семья Думбадзе продолжала поддерживать Немировичей-Данченко и в Тифлисе. Это очень похоже на правду, ведь пенсия умершего офицера была невелика, все дети, кроме Владимира и уехавшего в Петербург Василия, воспитывались на казенный счет в закрытых учебных заведениях. В общем Александра Каспаровна и Владимир живут в Тифлисе вдвоем, отнюдь не роскошествуя. И вот что детализирует известный театровед Виталий Виленкин, работавший личным секретарем Немировича-Данченко:

«Он хорошо помнит тифлисскую квартиру. Небольшой дом на углу извилистой улицы и узенького переулка с крутым спуском. Три смежных комнаты во втором этаже, с балконами на улицу и во двор, до-

▲ Сестра и мать Владимира Немировича-Данченко

вольно бедную обстановку. Рядом извозчичий постоялый двор, откуда всегда почему-то пахло жареным салом. Кузница в переулке за углом была более приятным соседством: в дождь мутные потоки воды приносили оттуда гвозди, подковы, кусочки железа, – маленький Володя, вместе с другими ребятами, тщательно подбирал все это, чтобы потом обменять у лавочника на фрукты. Улица вообще привлекала его чрезвычайно, главным образом, обществом окрестных мальчишек. В буйной ватаге уличных сорванцов, часто в роли коновода, он чувствовал себя превосходно. Выходки и проказы не прекратились и с поступлением в гимназию; влияние улицы сказывалось на успехах, – бывали

▲ **Первая тифлисская гимназия**

жалобы директору, не говоря уже о постоянных материнских огорчениях».

В общем, обычное уличное детство. Которое, признаемся, характерно скорее для класса неимущего, а не среднего, и уж тем более не для дворянства. «Я рос, говоря попросту, уличным мальчишкой, был предоставлен самому себе», – признается Владимир Иванович. Но в его случае дворянство было обедневшим и, конечно, сказалось отсутствие мужского влияния в семье.

А потом в его судьбе появляется Театр. Именно так – с большой буквы. Как огромная, отдельная, самая захватывающая часть бытия: «Через всю мою жизнь, как широкая река через степи, проходит эта притягивающая и беспокойная, отталкивающая и не выпускающая из своих чар атмосфера театра и театрального быта».

Наверное, это было предопределено уже самим местом, в котором довелось жить: «Я живу около театра с 10-летнего возраста… Когда я был во втором классе, мы, т.е. я и моя мать, жили на квартире, как раз против сада, в котором строился тифлисский летний театр». Сад этот назывался Инженерным и находился на перекрестке Водовозного переулка и Инженерной улицы. Ниже него – спуск к Куре, туда, где теперь раскинулся популярный ресторан «Дзвели сахли». Сейчас ни от сада,

ни от театра ничего не осталось. А тогда, в середине 1860-х, это место играло значительную роль и для целого города, и для одной отдельно взятой семьи покойного подполковника. А точнее, для его вдовы и одного из сыновей. Который вспоминал спустя годы:

«В южном городе, весь день на воздухе, не имея представления ни о гувернерах, ни о дачной жизни, я все свои интересы и игры сосредоточил среди стропил, балок и мусора, окружавших строившийся театр. Я наполнял маленькую квартиру матери разговорами о театре. А когда стропила пошли в дело, мусор был убран и на сцене Николай Игнатьевич Музиль со своей молодой женой Варварой Петровной разыгрывали уже «Колечко с бирюзой» и другие водевили».

Кто же эти люди, которых режиссер вспоминает первыми среди тех, кто открыл ему мир театра? Актер Малого театра Николай Музиль был командирован в Тифлис по желанию царского Наместника на Кавказе, брата царя Александра III, Великого князя Михаила Николаевича. Случилось это сразу после его свадьбы с воспитанницей театрального училища Варварой Бороздиной, которая тоже стала играть в Малом. И за тот вклад, который будущий заслуженный артист Императорских театров (было и такое звание!) внес в театральную жизнь грузинской столицы, Великий князь наградил его перстнем.

Тогда это было в духе времени. В крупных городах на окраинных территориях огромного государства создавались «казенные», говоря современным языком, государственные театры. Они были частью приобщения к жизни, которой жила вся империя, частью русификации, и Тифлис не стал исключением. Правящий на Кавказе брат царя денег не жалел, они шли на русскую драму и итальянскую оперу, балет и столь любимые народом водевили. Для молодых актеров из Петербурга и Москвы это была отличная практика, они играли рядом с уже известными гастролерами, в репертуаре сочетались и классика, и современные пьесы.

ТЕАТР НА ПОДОКОННИКЕ

Харизматичность (оттого, что этого слова тогда не знали, она не переставала существовать) столичных актеров и их партнеров, волшебство сцены, царящее рядом с домом, не могло не повлиять на мальчика: «Я хорошо помню, что начал увлекаться театром и литературой с 9 лет. Я помню все театральные представления, виденные мною в этом возрасте, помню книги, которые тогда чуть не выучивал наизусть. Преимущественно увлекали меня драматические произведения. Я не мог равнодуш-

▲ **Эриванская площадь в Тифлисе**

но видеть диалога – Пушкин в драматической форме, «Маскарад» Лермонтова, Островский в первой части своей деятельности и «Гамлет» – эти вещи я хорошо знал уже в раннем детстве». Надо ли удивляться, что дома Володя создает свой театральный мир:

«Когда после наступили гимназические занятия, – у меня было дома единственное развлечение. На широком подоконнике стоял мой театр. Карточные короли, дамы и валеты, загнутые там, где помещается их одна голова и с проволокой над другой, – ходили по моей сцене и изображали героев всевозможных пьес, какие я только видел, читал или просто о которых слыхал. Выпиленная в виде скрипки гладкая доска с простым прутом была моей первой (и дирижерской) скрипкой и заменяла весь оркестр. Я клал перед собой школу нот, оставшуюся в доме от первых уроков сестры, стучал палочкой и, дирижируя и играя сам, как делают дирижеры маленьких оркестров, распевал увертюры и вальсы, распевал тихонько, чтобы меня не подслушали, давал звонки, поднимал занавес и играл».

Как видим, театр становится для него неразрывным с музыкой – итальянская опера увлекает не меньше, чем драматические спектакли. За три-четыре года он побывал на более чем двух десятках

оперных спектаклей и признавался, что каждый из них на всю жизнь оставил в нем яркое «музыкальное пятно». А тут еще и оперетта… Все это, по следам встреч с Немировичем-Данченко, подтверждает его секретарь Виленкин: «Музыка всегда волновала и безотчетно радовала мальчика, откуда бы она ни нахлынула: из песни ли матери, обладавшей прекрасным голосом, из труб и фаготов городского военного оркестра, или просто из уличной шарманки, игравшей не последнюю роль в музыкальной жизни южного города. На всю жизнь ему врезался в память тусклый дождливый осенний день, висячая лампа в лавочке напротив и звуки шарманки, которыми бродячий музыкант услаждал лавочника. Так же, как на всю жизнь сохранилось трепетное воспоминание о газовых театральных лампионах или об особенном запахе типографской краски на афишах, напечатанных черными буквами по красному фону, отчего буквы казались зелеными».

Подоконник, на котором мальчик разворачивал сценические действа, жил насыщенной жизнью: «В моем театре репертуар был самый разнообразный. Сегодня «Гамлет» с Аграмовым в главной роли, которого я видел несколько дней назад, завтра – «Маскарад», потом «Материнское благословение» и т.д. Все, что мне попадалось под руки в диалогической форме, немедленно исполнялось на сцене. Особенно часто играли у меня мои короли, дамы и валеты «Пир во время чумы», «Каменного гостя» и пьесы Гоголя и Островского». Как и полагается театру, у подоконника обязательно вывешиваются свежие афиши. Причем, с весьма громкими столичными именами – к двенадцати-тринадцати годам провинциальный мальчик уже знает всех лучших московских актеров. Это заслуга одного из знакомых матери, приносящего журнал «Всемирная иллюстрация»: «Я с жадностью набрасывался на театральные корреспонденции из Москвы, так что в моей труппе были и Федотова, и Самарин, и Шумский, и Решимов. В особенности помню Решимова, который играл все трагические роли».

Восхищение актерской игрой рождает у Володи убеждение: она и только она – залог успеха спектакля. Ведь, казалось бы, что должно поразить ребенка в театральном действе? Конечно же, звуковые и визуальные эффекты, на которые провинциальная сцена никогда не скупилась. Но как только Володя узнает, что шторм на море создают спрятанные под огромным полотном люди, главным для него становится иное: «Театральные, внешние эффекты быстро улетучивались из моей памяти, а актерское, т.е. человеческое, поведение сохранялось, манило к припоминанию, – что я и проделывал с карточными фигурами на своем широком подоконнике».

Храм села Шемокмеди. Вторая половина XIX в.

ОПЬЯНЕНИЕ ТЕАТРОМ

Надо ли говорить, что оба театра – и настоящий, и созданный на подоконнике – не стали бы частью жизни мальчика, если бы не самый дорогой ему человек? «Моя мать, не знавшая, что театр может составлять чью-то судьбу, что люди, прежде чем стать актерами, могут быть юнкерами, институтками, гимназистами, никогда не задумывавшаяся о том, что за кулисами двигаются обыкновенные люди, и что там вообще что-нибудь есть, она начала меня водить в театр, а через 10 лет обратилась в театральную мамашу. Всех я заражал своим увлечением». И вот тут позволим себе засомневаться в последнем утверждении мэтра: а может, это именно благодаря матери он пристрастился к театру? Когда еще первоклассником сопровождал туда молодую красивую вдову, которой негоже появляться в одиночку перед игривыми театралами? Тем более, что вот еще один его рассказ: «Меня, мальчика, мать очень часто водила в театр. Я помнил огромное количество слышанных мною опер. В течение трех, много четырех лет я переслушал все ходовые тогда в Италии и в Петербурге оперы Беллини, Доницетти, Россини, Моцарта, Галеви, Обера, Флотова. Я помню ясно «Горе от ума», «Маскарад», «Гамлета», «Шутников», «Бедность не порок», «Мудреца», «Грозу»… Среди всего этого помню и «Дочь полка», и «Птички певчие», и «Орфея в аду», после постановки которого в гимназии было вывешено запрещение посещать театр, потому что актер Соколов (впоследствии Градов-Соколов) в роли Юпитера зло острил насчет директора гимназии… Сейчас я даже плохо представляю себе, как такой колоссальный репертуар умещался на одной сцене. А кстати, плохо представляю себе и то, как я мог запомнить до сих пор такое громадное количество спектаклей, виденных мною на протяжении нескольких лет отрочества».

Конечно, со временем Владимир стал все чаще ходить на представления уже без матери. «Театр находился внутри караван-сарая. А караван-сарай – это нечто вроде гостиного двора. Помню небольшой уютный театральный зал в ультравосточном вкусе. Помню с боков у среднего входа ложи с решетками – это для скрывающих лицо женщин…» Речь здесь идет уже об одном из двух караван-сараев, принадлежавших купцу-меценату Арцруни. Там, помимо ресторанов, магазинов и того, что сейчас называют «офисами», размещался и театр. Находился он примерно на месте бывшего универмага «Тбилиси» и нынешнего русского драматического театра имени Грибоедова.

Парень подружился с капельдинером, который попускал его в зал без билета, «зайцем». А если это почему-то срывалось, Владимир занимал деньги у кухарки: «Она мне

давала медяками, по 3, по 2 копейки, я набирал 30-40 коп. и шел, вызывая у кассира гримасу от такой монеты». Он находит на сцене многое, что можно перенести на заветный подоконник. Театр становится для него жизненной потребностью. Каждый раз, уходя со спектакля, он мечтает поскорей снова увидеть, как поднимается занавес: «…Выражаясь образно, жизнь моя всегда текла по берегам театрального русла, пока не слилась с ним в том месте, где широко и величаво протекает судьба Малого театра».

Это «опьянение театром», по признанию самого Владимира Ивановича, было заразительно: «Мой брат… бывший на военной службе, бросил ее и пошел в актеры. Моя сестра, воспитывавшаяся всегда в институте, вышла замуж, но все-таки бросила мужа и пошла в актрисы». Брат – это Иван, признанный красавец, которого родители мечтали видеть военным. И он сначала пошел по этому пути, но потом оставил юнкерское училище ради сцены. На которой играл под псевдонимом Мирский, но, как пишут театроведы, «сгорел от туберкулеза как раз на пороге сверкающих успехов». А единственная сестра Варвара, «одна из очаровательнейших женщин театра», сначала выступала в опереттe. Потом обрела известность под фамилией Светланова в драматической труппе киевского Театра Николая Соловцова, который стал основой нынешнего Национального академического театра русской драмы имени Леси Украинки. И, между прочим, с чеховским «Дядей Ваней» Варвара Ивановна опередила своего знаменитого брата – сыграла Елену Александровну до того, как эта пьеса была поставлена им в Художественном театре.

▼ Брат Владимира – Иван

Ну, а где театр – там и большая литература. Тем более, что хороших книг в доме хватало: покойный отец любил читать, в его библиотеке были и Лермонтов, и Пушкин, и Марлинский, и зарубежная классика, и собрание номеров журнала «Современник». Все это, при переезде, в огромном чемодане переселилось в тифлисскую квартиру. Конечно же, поначалу у Владимира на первом месте – пьесы, особенно Шекспира, Сервантеса и Гоголя. Потом, в старших классах гимназии, приходит увлечение Тургеневым, Писаревым,

Чернышевским, Львом Толстым и особенно – Лесковым. А в Белинского пришлось погрузиться с головой, работая над школьным сочинением «на весьма широкую тему».

Кроме того, как не появиться литературным интересам, если в семье есть настоящий писатель! Это сегодня на вопрос: «Кто такой Немирович-Данченко» каждый ответит: «Театральный деятель». А во второй половине XIX и в начале XX веков единогласный ответ был бы другим: писатель, журналист, путешественник. Звали этого человека Василий Иванович и был он старшим братом Владимира Ивановича. Тот, кстати, специально писал свои инициалы как «Вл.И.», чтобы его не спутали с «В.И.».

▲ **Василий Немирович-Данченко**

«РУССКИЙ ДЮМА»

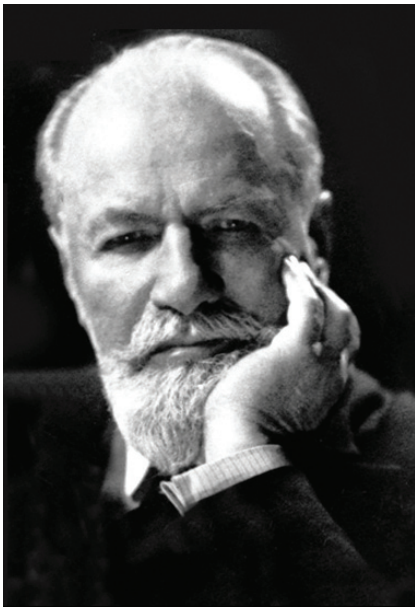
Первенец семьи офицера Немировича-Данченко тоже родился в Грузии, а точнее, в ее столице. В первой за 1845 год метрической выписке тифлисского кафедрального собора читаем: «У капитана Ивана Васильевича Немировича-Данченко, православного исповедания, и законной жены его Александры Каспаровны, в девичестве Якубовой, Армянской веры, родился сын Василий, 23 декабря 1844-го и крещен 8 января 1845-го». Детство его проходит в походной обстановке, он любит горы, хорошо узнает кавказский быт, зачитывается историческими романами Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Михаила Загоскина. А потом – Александровский кадетский корпус в Москве, отец мечтает, чтобы первенец пошел по его стопам. Но перо и бумага влекут парня больше, чем плац и шпага. Кадета Немировича-Данченко несколько раз наказывают карцером не за нарушения воинской дисциплины, а за… стихотворения. Потому что в них высмеиваются «отцы-командиры». В общем, заканчивается все тем, что Василий бросает корпус и отправляется в Петербург.

Так появляется на свет удивительный писатель, которого называли «русским Дюма» и который прожил еще больше, чем его брат-драматург – 92 года! В то время Российская империя много воевала, и молодой литератор становится во-

енным корреспондентом. Побывав на русско-турецкой войне 1877-1878 годов, он пишет об увиденном в сборнике «Год войны». И этот сборник сразу обретает всеевропейскую известность. Еще сражения с турками – за свободу Сербии, и все зачитываются его романом «Боевая Голгофа». А на груди писателя появляется солдатский Георгиевский крест, эту награду так просто не раздавали…

Затем – русско-японская война 1904-1905 годов, после которой читающая публика рада нескольким книгам рассказов, очерков и роману «На братских могилах». А во время Первой мировой Василий Иванович не только был в чине ротмистра на русско-германском фронте, но и ездил по Франции, Англии, Италии, написал роман «Под дамокловым мечом» и интереснейшие статьи об увиденном. Кстати, именно путешествия вдохновляют его помимо военных баталий. Путевые заметки превращаются у него в художественную литературу – очерки «За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «Затерянные в океане»… И, не будучи профессионально ученым, он становится членом Русского географического общества.

Жанры и темы у этого, одного из самых издаваемых писателей своего времени, различные – то, что во Франции называют «роман-наблюдение», рассказы в классическом стиле, военные очерки, портреты интересных людей, зарисовки при-



▲ **Братья Владимир и Василий Немировичи-Данченко**

роды и даже детские рассказы, которые Лев Толстой рекомендовал включить в хрестоматию. Четыре собрания его сочинений собрали ни много, ни мало – сто сорок томов. А некоторые его произведения переиздавались по несколько раз. Работоспособность, согласитесь, фантастическая!

И можно понять шутку Михаила Салтыкова-Щедрина еще тех времен, когда Василий Иванович был молодым писателем: «Немирович работает днем, а Данченко – ночью...» Шутил по этому поводу и Максим Горький: «Вредно работать так много!» А это – уже Иван Тургенев, вполне серьезно отозвавшийся на знаменитую книгу о Соловках: «Живой, содержательный очерк написал в беллетристической форме, с редким умением придать ему общий интерес...» Ну, а любители того, что сегодня называют «триллер» или «экшн», зачитывались «Грозой» (не путать с пьесой Александра Островского!), в которой были и напряженные военные приключения, и герои, совершающие головокружительные подвиги, и коварные провокаторы, и всепоглощающая любовь…

Книги Василия Ивановича Немировича-Данченко можно было увидеть в библиотеках людей, которые никогда не поставили бы на свои полки то, что им не нравилось – императора Александра II, Николая Некрасова, Льва Толстого и даже…

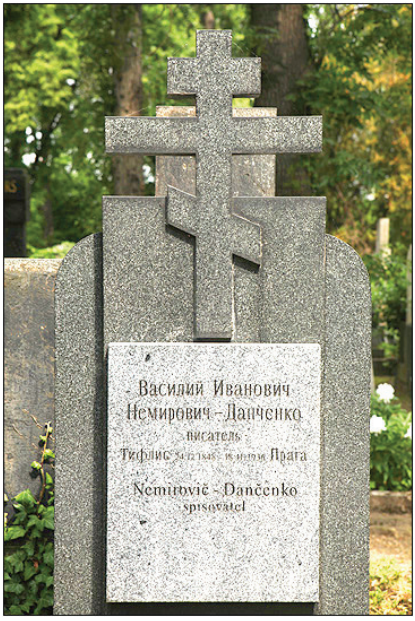
Карла Маркса. Да-да, автор «Капитала» прочел «Соловки» на русском языке вслед за философскими работами Чернышевского и русскими же буквами внес эту книгу в каталог своей библиотеки. А если продолжить галерею знаменитостей, связанных с именем великого труженика пера, то нельзя не вспомнить: он был другом выдающегося полководца генерала Михаила Скобелева и замечательного поэта Серебряного века, создателя школы акмеизма Николая Гумилева.

И еще один отзыв: «В России нет грамотного человека, который не знал бы Василия Ивановича Немировича-Данченко. Несколько поколений русских читателей выросли на его книгах. Деды, отцы, внуки – «Немировича» знали все: от солдата до царя, от семинариста до митрополита, от гимназиста до... Плеханова». Так писала спустя несколько лет после революции эмигрантская газета «Русское эхо». Да, Василий Иванович стал эмигрантом. Советские газеты характеризовали его стандартной фразой: «Не принял Октябрьскую революцию».

Это не совсем так. Он покинул СССР лишь в 1922-м и позже объяснял это так: «Все чего-то ждали мы. Не нам-де судить грозу и бурю. Так трудно было нам, интеллигенции, признать бессмыслие событий, которых мы с сердечным трепетом ждали всю нашу большую, подготовившую их жизнь». Ожидания ничего не принесли, и вот что стало последней каплей: через пару дней после расстрела Гумилева в «коммунистическом театре» была поставлена его пьеса, и в первом ряду сидели чекисты, «они громко аплодировали и вызывали автора». Василий Иванович понял, что в такой стране ему делать нечего.

До конца дней своих он прожил в Праге и там много писал и издавался. А на родине его назвали «популярным выразителем идеологии средней пореформенной буржуазии», который после «недолговременного либеральничанья дошел до полной поддержки дворянско-бюрократического режима». И вычеркнули из истории русской литературы. На все три его юбилея, пришедшиеся на эмиграцию – 80, 85 и 90 лет

▼ Могила Василия Немировича-Данченко в Праге



– шли поздравления от композитора Сергея Рахманинова, художника Ильи Репина, певца Федора Шаляпина, а писатель Иван Бунин слал пожелание: «Да сохранит вас Бог на нашу общую радость!»… И лишь на родине о нем забыли. Так у эмиграции, утверждавшей, что именно она представляет настоящую Россию, появился свой Немирович-Данченко, у Советского Союза, считавшего настоящей только Советскую Россию, – свой. Страшное время разъединило братьев.

«ЗАРАБАТЫВАЛ И ОСТАВАЛСЯ НЕЗАВИСИМ»

Можно спросить, почему на страницах, посвященных Владимиру Немировичу-Данченко, столько внимания уделено его брату? Что ж, во-первых, хочется подчеркнуть генетическую предрасположенность обоих к творчеству. Во-вторых, полнее рассказать о том, каких людей эта семья дала в Грузии миру. Ну и в-третьих, просто нельзя не напомнить о замечательном, незаслуженно забытом русском писателе.

В общем, понятно, почему у его младшего брата-гимназиста литература постепенно становится такой же страстью, как и театр. А если в молодом человеке соединяются эти две страсти, он просто не может не заняться драматургией. Так что, еще в четвертом классе Владимир перестает «режиссерствовать» на любимом подоконнике и сам начинает писать пьесы, которые оказались ему настолько дороги, что уничтожает он их лишь спустя много лет: «Одна называлась «Бедняк Ноэль Рамбер» и представляла драму в пяти действиях из французской жизни, о которой я имел понятие только по Понсон дю Террайлю. Другая была подражанием драме Самарина «Перемелется – мука будет», но с куплетами».

Имена этих авторов неизвестны современному читателю, поэтому необходимо пояснение, которое покажет, что именно хотел воплотить на сцене юный автор. Француз Дю

▼ Владимир вскоре после окончания гимназии

Террай, фамилию которого в России XIX произносили как Террайль, был славен приключенческими романами с лихо закрученными, но не очень правдоподобными сюжетами. Самый популярный его персонаж – Рокамболь, ставший символом авантюриста, первый литературный супер-герой, предшественник Фантомаса, Ната Пинкертона, Джеймса Бонда и им подобных. А Иван Самарин – знаменитый актер Малого театра, писавший комедии с «высокими страстями». В общем, ясно, какие темы привлекали 13-летнего «драматурга».

Между тем, к моменту создания этих пьес, их автора уже не назовешь мальчиком. Это – юноша, знающий цену труду. Сам он откровенно признается, что сначала попал, как говорится, под влияние улицы: «Играл в орлянку и «кочи»… Театр свой на подоконнике забросил и в этот единственный год плохо учился. После пятерок перешел на сплошные тройки… И потом как-то сразу все переменилось. И квартиру мы переменили, отстали от меня и уличные приятели. В течение лета, в знойную жару ко мне ежедневно приходил товарищ… чтобы нагнать пропущенное, приходил издалека, с Авлабара… А вскоре я уже получил и урок, ходил учить мальчика за 15 рублей в месяц». Так что, с тринадцати лет Володя занимался с гимназистами младших классов, «зарабатывал каждый день своего существования и оставался независим». И для того, чтобы попасть в театр, уже не одалживал медяки

▲ **Александр Сумбатов-Южин в юности**

у кухарки, а позволял себе с шиком тратить половину своего заработка.

Расширяется и его «творческий диапазон» – из под пера Владимира выходят уже не только пьесы, но и беллетристика. Пишется ему легко. И уже в пятом кассе гимназии он начинает издавать собственный «классный» журнал «Товарищ». Брат Иван, у которого почерк настоящего писаря, переписывает набело большую историческую повесть и другие произведения «редактора» и даже перевод «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, сделанный его одноклассником.

Именно в это время завязывает-

ся дружба с парнем из параллельного класса Александром Сумбатовым (Сумбаташвили), который с годами, под сценическим псевдонимом «Южин», станет еще одним корифеем русского театра, взращенным Грузией. Он тоже издает свой журнал, и между друзьями завязывается соперничество. Они называют себя «редакторами-издателями», публикуют собственные опусы, дискутируют. Например, увлекаясь тургеневской прозой, Владимир в гимназических спорах о драматургии отдавал предпочтение Гоголю.

То, что общие литературные интересы перерастают в театральные, в чем-то можно объяснить и пословицей «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Судите сами: «Наш журнал просуществовал недолго. Вышло что-то 7 или 8 номеров… О нем прослышал наш учитель русской словесности… Человек знающий, но не любивший ни нас, учеников своих, ни того святого волнения, какое возбуждала в нас передовая художественная литература… Он посвятил журналу один из своих классов и не только жестоко и беспощадно высмеял нас, но и запретил заниматься этими «глупостями». Это был очень грубый и нечуткий человек, не любивший и даже вряд ли понимавший свой ответственный предмет».

Вообще-то, в знаменитой Первой тифлисской гимназии, как и в почти во всех остальных «солидных» учебных заведениях того времени, художественному воспитанию как таковому и театру в частности особого внимания не придавали: «Между гимназией и жизнью лежала какая-то пропасть». Но, к счастью, среди педагогов были замечательные преподаватели словесности Горяинов и Рыжов. Кто-то из них предложил ученикам поставить спектакль по грибоедовскому «Горю от ума», и главные роли в нем получили Володя с Сашей. И это не все, Немирович-Данченко убежден, что Горяинов заслуживает «самой благодарной памяти»: «Он некоторое время собирал учеников во внеклассные часы и беседовал с нами. Потом ему это запретили. Ему мы обязаны были многим, и между прочим любовью к Тургеневу». Все это заканчивается тем, что гимназисты решают уже абсолютно самостоятельно ставить спектакли.

ВПЕРВЫЕ ЗА КУЛИСАМИ

И вот, в 1875-м группа юных любителей сцены тайно снимает квартиру в Чугуретском районе города и начинает работать над постановками. В ней, помимо Немировича-Данченко, Сумбатова и пары их друзей – еще и Васо Абашидзе, будущий знаменитый артист и режиссер, один из основоположников реалистического направления в грузинском актерском искусстве. Ребята ставят водевиль

▲ **Александр Яблочкин**

В.Соллогуба «Мастерская русского живописца», пьесу П.Григорьева «Девушка себе на уме», «Доходное место» А.Островского. У друзей появляются собственные амплуа: Владимир играет роли лирических молодых героев, а у Александра – образы пожилых людей. И все это получается настолько талантливо, что получает одобрение гимназического начальства.

Между тем, репетиторство приносит Владимиру уже не только заработок, но и неожиданный щедрый подарок. Кто бы мог предположить, что именно оно приведет юношу в святая святых – за настоящие кулисы! Для укрепления русского театра в Тифлис приезжает группа артистов императорских театров во главе с Александром Яблочкиным. Этот замечательный актер, отказавшийся от службы в знаменитой петербургской «Александринке» ради поездки в Грузию, становится директором, режиссером и антрепренером тифлисской русской сцены.

Его постановки незабываемы: «…В этом театре в караван-сарае помню «Грозу», в которой Катерину играла Михайлова, а Варвару – Светланова. А были это псевдонимы. Потому что эти две актрисы, как рассказывалось тогда, приехали в Тбилиси полуконтрабандой, без официального разрешения петербургского начальства, а настоящие фамилии их были: г-жа Яблочкина 1-я и г-жа Яблоч-

▼ **Серафима Яблочкина (Михайлова)**

▲ **Александра Яблочкина в детстве**

кина 2-я – молодая жена актера и режиссера А.А. Яблочкина и дочь его от первого брака, как все называли ее, – Женя Яблочкина. Может быть, это было первое представление «Грозы» в древней столице Грузии Тбилиси, в театре, помещенном между лавками караван-сарая и построенном в восточном стиле, с решетчатыми ложами».

В семье знаменитого режиссера еще и пара детей: пятилетняя Сашенька, которой предстоит стать великой актрисой Малого театра, и ее брат постарше Володя. Мальчику решают нанять домашнего педагога и, естественно, обращаются в престижную Первую тифлисскую гимназию. А там директор рекомендует «первого ученика седьмого, предпоследнего класса». То есть, Немировича-Данченко, который снова учится на пятерки. Слово – ему самому: «Мне было всего пятнадцать лет, но у меня уже был педагогический опыт, так как я начал давать уроки с тринадцати лет… Яблочкин платил мне щедро, но если бы он и поскупился, я все равно радостно ухватился бы за уроки в театральной семье, за одну возможность приблизиться к дому, где в воздухе носятся слова из театра, где люди, как мне казалось, ходят и говорят не так, как обыкновенные люди, где пахнет театром, костюмами, красками, – к дому, где все полно переживаниями самолюбий, мечтаний, явных успехов и тайных закулисных столкновений, – словом, приблизиться к театральной атмосфере… Дом, наполненный актерскими волнениями, закулисными словами… Это взращивало тягу к театру».

Счастью парня нет границ. Он не только знакомится у Яблочкиных с известными актерами, но и получает разрешение приходить на репетиции. А там сталкивается с неведомой дотоле системой режиссуры. Яблочкин прославился в Петербурге постановкой «Смерти Иоанна Грозного» А.Толстого потому, что для того времени был новатором. Он активно вторгался в работу актеров, не просто указывая им места на сцене, а трактуя текст в зависимости от своего видения спектакля. Одна из таких репетиций запоминается Владимиру на всю жизнь:

«Была такая драма «Испорченная жизнь» Чернышева. Главную

роль играл молодой актер Журин… И врезалось мне в память, как Яблочкин заставил Журина повторять главную сцену множество раз, да во весь голос и всеми нервами, – сцену-монолог, то заражая Журина своей энергией, то объясняя ему психологическое содержание, то просто показывая по-актерски. Такая режиссура была тогда новостью, во всяком случае, явлением не обычным…»

Это новаторское общение с актерами стало школой для Немировича-Данченко и в дальнейшем очень пригодилось ему. И когда он ставил собственные пьесы в Малом театре, и когда участвовал в создании Московского Художественного театра. А в Тифлисе, побывав на профессиональных, да еще новаторских репетициях, он впервые и сам руководит за кулисами – в качестве помощника режиссера в любительском спектакле. Крепнут мечты о сцене, подогреваемые беседами с известным актером Осипом Правдиным (Трейлебеном), который часто бывал у Яблочкиных, а потом стал преподавателем театральной школы при Малом театре. И, конечно, многое дает встреча со старшим братом Василием, приехавшим на родину после появления в журнале «Вестник Европы» романа о Соловках. Этой встречи он очень ждал: «Я, мой другой брат… и сестра расстались с Василием, когда мы были совсем маленькими». Так приходит пора окончательного взросления.

«НА ВЫЕЗД ИЗ ТИФЛИСА ПРЕПЯТСТВИЙ НЕТ»

Крепнет дружба с Сашей Сумбатовым, который уже давно играл в любительских спектаклях, и которому он позже писал: «Мы с тобой развивались под влиянием беллетристов и особливо критиков 60-х годов». И тогда, и после у них хватало и связующих нитей, и творческих расхождений: «Про меня и Сумбатова смолоду говорили: «Их черт веревочкой связал». Наша дружба

▼ В.Немирович-Данченко и А.Сумбатов-Южин

началась со второго класса гимназии… В шестом классе, оставаясь друзьями, мы вступили в принципиальную борьбу… на какие темы шел спор, не помню, помню только, что… мы перестреливались «критиками», «анти-критиками» и т.д. Мы вместе начали играть на сцене в качестве любителей в нашем родном городе Тифлисе. Мы вместе написали одну пьесу, имевшую большой внешний успех. Встретились в Малом театре как драматурги. Женились на двоюродных сестрах… У меня он был единственный настоящий друг на всю жизнь. Наша дружба никогда не прекращалась, но мы сильно расходились в наших художественных вкусах». В унисон слова Сумбатова о молодых годах: «Ни с одним из товарищей, кроме Вл. И. Немировича, я не сошелся – и не жалею».

Продолжаются походы с матерью на итальянские оперы, фортепианные и симфонические концерты: «Впечатление приятной, заволакивающей грусти… От самой сущности музыкальной стихии, ее лирических волн». И в тоже время – первое увлечение – цирковой наездницей, первая любовница – актриса. Заработанные репетиторством деньги тратятся уже не только на театральные билеты, но и на букеты дамам сердца.

Как завершающие точки того периода жизни – сочинение «Пушкин и Гоголь» на выпускном экзамене и традиционный «большой день веселья» по окончании гимназии. Его проводят в Гори. И вот что интересно для того времени. Владимир и его товарищи умудряются не втянуться в политику: «Нас, выпускников гимназии, как-то совсем почти не коснулась волна политических движений. Помню еще только, что один из воспитанников реального училища… принес мне однажды небольшую толстую книгу и сказал, что я непременно должен с ней познакомиться. Это было первое издание «Капитала» Маркса на русском языке». Как говорится, ну и слава Богу – более близкое знакомство с идеями автора этой книги попортило жизнь не одному талантливому юноше.

Теперь самое время заглянуть в три примечательных документа. Первый – «аттестат зрелости». Из двенадцати указанных в нем предметов у «редактора-издателя» «четверки» по пяти, в том числе по… русскому языку и словесности. Зато

по греческому, французскому, грузинскому, армянскому и татарскому (азербайджанскому – прим. *В.Г.*) языкам – «пятерки»! И вот, что еще примечательно. Несмотря на такое количество «четверок», в аттестате приписка: «Во внимание же к постоянно отличному поведению и прилежанию и в отличных успехах в науках, в особенности же в латинском языке и математике, педагогический совет постановляет наградить его, Данченко, серебряной медалью».

Второй документ: «Свидетельство. Дано сие из полицейского управления 1 отделения гор. Тифлиса окончившему курс наук в Тифлисской гимназии дворянину Владимиру Немировичу-Данченко в том, что на выезд его из Тифлиса в пределы Российской империи для поступления в одно из высших учебных заведений по делам сего управления препятствий нет, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется 16 августа 1876 г.».

Третий документ: «Окончив курс наук в Тифлисской гимназии, прошу Ваше Превосходительство о разрешении зачислить меня в число студентов физико-математического факультета вверенного Вам университета». Знаменитый историк Сергей Соловьев, ректор Московского университета, утверждает это прошение Владимира Немировича-Данченко, убежденного: современному человеку нужны лишь точные науки. И он не одинок в этом модном тогда убеждении: «Помню гимназистку, худенькую, с черными волосами и сверкающими глазами, с которой приходилось довольно много говорить... о жизненной дороге после гимназии. Она горячо уверяла, что надо идти непременно или на медицинский, или на физико-математический факультеты. Только оттуда выходят люди, достойные общественной деятельности. А юридический и филологический – эти факультеты выпускают болтунов и книжников». В общем, сплошная «базаровщина».

Как известно, дальнейшая его судьба опровергла это убеждение, без театра он не может жить и на студенческой скамье. Второкурсником пробует себя в любительском спектакле, становится восторженным завсегдатаем галерки Малого театра. И, приехав на каникулы в город на Куре, в «жаркие ночи тифлисского лета», взахлеб делится с Сумбатовым подробностями об этом театре, его спектаклях и актерах. Друг не устает слушать, он сам уже стал душой молодежного драматического кружка, большинство спектаклей которого давалось в пользу отправляющихся в университеты учеников из бедных семей. Поучаствовать в одном из таких спектаклей предлагают Немировичу-Данченко. И никто лучше его самого не расскажет о том, чем это закончилось:

«Студентом второго курса университета я приехал в Тифлис и участвовал в любительском спектакле в пользу кончающих гимназистов. Так как я был фатоватым юношей, даже пенсне почему-то носил, хотя до сих пор обладаю великолепным зрением, то я, конечно, получил роль любовника. Помню очень хорошо

одно: когда мне парикмахер наклеивал усы, этакие небольшие усики, я все просил усы погуще и успокоился лишь тогда, когда он наклеил мне толстые-претолстые усы. Я должен был играть молодого человека, соблазняющего девушку. Играл начало спектакля плохо: в антрактах все проходили как-то мимо меня… От этого во мне закипала горечь.

По пьесе этот господин бросает соблазненную девушку, потом пропадает, а в четвертом действии приходит к ней обтрепанный и больной. В этом самочувствии я был очень крепок – все равно пропал! – и был довольно спокоен на сцене. Идет мой горячий монолог… я падаю на колени… И – гром аплодисментов всего зала! Чувствую, что меня, как говорится, прорвало, – и это заразило зал. Я почувствовал это потому, что такой большой актер, как Градов-Соколов, целовал меня, просил, чтобы я завтра играл у него. (В городе было несколько актеров от расстроившейся труппы. Они пригласили меня к себе и дали еще более сильные драматические роли. Один спектакль мы даже повторяли.) А репетировал я ту роль студентиком восемнадцати лет…»

НЕ АКТЕР, НО ЛИТЕРАТОР И ДРАМАТУРГ

Человек, высоко оценивший игру дебютанта, – любимец публики Леонид Градов-Соколов, действительно большой артист. Он играл в Тифлисе после Александринского театра, а потом уехал в Москву, в знаменитый Театр Корша. Именно по его приглашению приехавший на каникулы студент играет еще в нескольких спектаклях: характерную роль сильно выпившего человека в пьесе Самарина «Перемелется – мука будет», одну из главных ролей в «Современной барышне» Дьяченко и с особенным успехом в «Испорченной жизни» Чернышева. Так что, Градов-Соколов настойчиво пытается уговорить юношу идти на профессиональную сцену. То же самое делает и Правдин, уже переехавший в Москву. Там он увидел игру Немировича-Данченко в «Артистическом кружке», часто дававшем спектакли

в помещении популярного в то время Шелапутинского театра. Особенно удавалась студенту роль Жадова в «Доходном месте» Островского. Именно ее с восторгом отмечала и тифлисская публика, когда Владимир приезжает на каникулы уже в следующем году.

Проходят два года учебы, и становится ясно, что ни физика, ни математика из него не получится – театр берет свое. Казалось бы, все решено: актеры – его недавние кумиры – уговаривают идти на профессиональную сцену, договор с госпожой Казанцевой, антрепренером театра в Ростове-на-Дону подписан контракт на очень хороших для дебютанта условиях. Владимир даже готовит одновременно роли Чацкого и Молчалина для «Горя от ума». И все же… «Дважды собирался оставить университет и посвятить себя артистической деятельности. Но сама судьба препятствовала мне». В чем же дело? Вот еще одно мнение экс-секретаря Виталия Виленкина. Объяснение, прямо скажем, пространное, но к человеку, хорошо изучившему характер и настроение мэтра, стоит прислушаться. Да и решение Владимиром Ивановичем принято, вроде бы непоследовательное. Итак:

«Были к этому и чисто внешние причины, как, например, острая глазная болезнь; и гораздо более глубокие – желание продолжать высшее образование, привязанность к университету; сыграл здесь большую роль и явный разрыв между обычным для молодого актера

▲Снимок, подаренный В.Немировичем-Данченко Котэ Месхи

стремлением играть героев-любовников и неподходящими для этого внешними данными. Но главную причину следует искать, кажется, еще глубже. Не кроется ли она в его прирожденном неприятии дилетантизма, – всякого, и в особенности творческого? Человек сильной воли, воспитанной ранней самостоятельностью и с отроческих лет часто спасавшей его от слепых увлечений, он оценил себя как бы со стороны и отказался от карьеры, пусть и заманчивой, но требующей с самого начала компромиссов и не сулящей в будущем предельного раскрытия всех его творческих сил. Отказался, несмотря на то, что актерский талант его признавали старшие, опытные товарищи по сцене и, очевидно, при-

Открытие памятника
В.Немировичу-Данченко в Шемокмеди. 1983

Актеры МХАТа в Шемокмеди. 1983

Народная артистка СССР Ангелина Степанова открывает Дом-музей В.Немировича-Данченко в Шемокмеди. 1983

▲ **Александр Сумбатов-Южин в молодости**

знавали зрители.

Немирович-Данченко ушел от актерской карьеры в юные годы, человеком далеко еще не сложившимся, и трудно сказать, что в этом решении им руководило больше: рациональные выводы или чутье. Но несомненно, что здесь проявилась его, рано созревшая, обостренная взыскательность к искусству и к себе в искусстве. Это она подсказала Немировичу-Данченко, что не здесь, не в этой области, а может быть в иной, гораздо более широкой, но непременно литературно-театральной предстоит ему постепенно развернуться и проявить себя сполна».

В общем, Владимир Иванович уже не видит себя на сцене, но с театром не порывает. А посвящает ему несколько видов творчества, кроме актерского. Во-первых, становится театральным рецензентом. Начинает по-юношески категоричными высказываниями, затем опыт театрального завсегдатая и отличный художественный вкус выдвигают его в первые ряды критиков. Главное, что он критикует в спектаклях, – штампы и банальность, поэтому его мнение зачастую не соответствует массовому. В поле его зрения все, что происходит на главных сценах России – в Малом и Александринском, в частных театрах Корша, Лентовского и Бренко, на оперных подмостках.

Основная масса рецензентов довольствовалась тогда пересказом содержания пьесы и парой субъективных фраз про удачи и неудачи актеров, а главное внимание уделяла деталям чествования любимцев публики. Немирович же пишет совсем по-другому. Он определяет, где дешевая игра а где – глубокая, результат упорного труда. Описывает приемы работы каждого члена актерского ансамбля, а у режиссеров отделяет пышные постановочные эффекты от желания выразить творческое понимание пьесы. И во всем этом уже проявляется человек, мечтающий о новом, собственном театре.

Поработав пару лет в журналистике, Владимир Иванович вполне естественно приходит к беллетристике. Сам он считал, что полноценное литературное творчество начал в 1888-м, но еще за десять лет до этой даты, накапливая опыт, он публикует

▲ **Студийцы Владимира Немировича-Данченко с Федором Шаляпиным. 1916**

массу рассказов и небольших повестей, а потом, с 1890-го по 1898-й выходят уже восемь романов и крупных повестей. Так журналистика в очередной раз в истории литературы рождает писателя. К тому же – драматурга, поскольку писатель этот человек театральный. И, одна за другой, на свет появляются одиннадцать пьес. Автор их относится к литераторам, вкусам и взглядам которых близок Чехов. И премьеры почти всех пьес Немировича-Данченко – в Малом театре в Москве и Александринском в Петербурге. Оттуда – разлет их по всей стране. И хотя художественные достоинства у них были разные, все они соответствуют понятию «репертуарные» – нравятся и зрителям, и актерам, долго не исчезают со цены. Не став актером-профессионалом, их автор сохранил в себе актерский «заряд», и в драматургии, и в режиссуре ставя на первое место исполнителя.

НА КАВКАЗ, В ЭВАКУАЦИЮ

Главное же, чем живет этот молодой и уже опытный драматург – мечта о театре, который будет простым, но глубоким, без показных эффектов и ненужных нарочитостей, без казенщины и рутины. То есть, все должно быть художественным. И этот термин позже войдет в название абсолютно нового для российской сцены театра.

А начинается все с друга тиф-

▲ **Владимир Немирович-Данченко и Константин Станиславский. 1910-е гг.**

лисской юности. Сумбатов-Южин, вместе с которым была написана одна из успешных пьес конца 1890-х годов, делает предложение, от которого, как говорится, невозможно отказаться. Осенью 1891-го он приглашает друга руководить младшими драматическими классами Московской филармонии, в которой и сам преподавал. Эти побочные занятия оканчиваются неожиданно для многих. В филармонии всегда выше всего ставились симфонические концерты, славившиеся по всему городу. Но через четыре года работы человека, заявившего, что он «пришел учить, учась», москвичи были в восторге от выпускных спектаклей драматического класса училища, показанных не где-нибудь, а на сцене Малого театра. Вместо предусмотренных четырех двухчасовых уроков в неделю Немирович работает с классом и в остальные дни, до поздней ночи.

Преподавание его уже включает в себя и чисто режиссерские задачи, основой его становится «верное толкование пьес и вскрытие индивидуальных качеств учащихся». За шесть лет класс Немировича-Данченко заканчивают сто семьдесят человек. И среди них – Москвин, Книппер, Литовцева, Савицкая, Муратова, Мунт, Роксанова! Стать кумирами публики им предстоит позже, тогда это были молодые люди, которых ждала судьба провинциальных актеров. И их

▲ **Мхатовцы с Антоном Чеховым. 1910-е гг.**

учителю окончательно становится ясно, что «школа без театра – явление бесполезное и не стоит ею заниматься, что воспитанники должны расти при театре, в нем должны получать первую сценическую практику». И что вместе с уже получившей у него актерское образование талантливой молодежью он должен создать профессиональный коллек-

тив, который обновит российский театр.

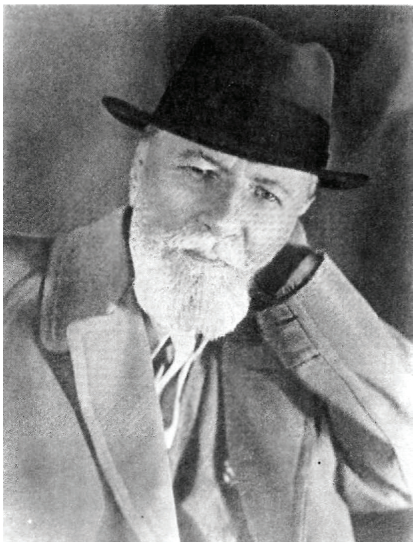
Так что, летом 1897 года пишется записка Константину Станиславскому, прославившемуся режиссурой и главными ролями в спектаклях «Общества искусства и литератур». Тот отвечает не запиской, а телеграммой, чтобы увидеться побыстрей – потом он признается, что его «давно тянуло» к Немировичу. А затем – историческая встреча Владимира Ивановича и Константина Сергеевича в ресторане «Славянский базар», которая привела к созданию Московского художественного театра. Но это – уже совсем иной, не связанный ни с молодостью, ни с Грузией период жизни Немировича-Данченко. Хотя он не раз приезжал на родину со своим театром. В 1929-м даже появляется документальная лента «МХАТ в Тбилиси», снятая еще одним уроженцем грузинской столицы Михаилом Калатозовым. Ему предстоит прославиться фильмом «Летят журавли» о Великой Отечественной войне. Именно эта война в последний раз надолго привела Владимира Ивановича в город детства и юности.

Она застает МХАТ на гастролях в Минске. В полдень 22 июня 1941 года, когда в Центральном клубе Красной Армии давали «Тартюфа», после антракта на сцене появился военный, сообщил о начале войны и предложил всем военнообязанным отправиться по месту приписки. Спектакль же… продолжается. Для всех остальных. На следующий день Минск уже бомбят, однако труппа Немировича-Данченко дает еще два спектакля, хотя городу грозит оккупация. Потом бомбежки уничтожают склады с декорациями, и мхатовцы на шести грузовиках отправляются в Смоленск, а потом – в столицу.

Но и в Москве уже небезопасно, так что в августе МХАТ, как и другие театры, правительство отправляет в эвакуацию. Причем, в разные города: большая часть труппы – в Свердловск, «старейшины» – Немирович-Данченко, Качалов, Тарханов, Книппер-Чехова, Литовцева и другие «корифеи» – на Кавказ. Поначалу они приезжают в Нальчик, где встречают тоже эвакуированных композиторов Шапорина, Мясковского, Прокофьева, художника Грабаря, артистов Малого театра. Но в Нальчике Немирович-Данченко, считающий, что «исключительное счастье человека – быть при своем постоянном любимом деле», не может найти себя:

«Когда великолепная погода – хорошо тут. А когда непрерывный дождь и туман двое суток – тогда ужасно. Как в ссылке. И … о маскировка, и я в очень хорошем номере, но один и один!.. Вот как длинно и скучно я Вам рассказываю, а это только набросок, намек на тревогу и пестроту здешних переживаний… Самое сильное из моих желаний все время была Москва… И сколько тут, в Нальчике, уговоров! Качалов, Книппер, Тарханов, Литовцева – все сходятся на том, что надо еще выждать… И переждать, кажется, придется не месяц, а больше».

А «всякое нарушение творче-



▲ **В год последнего приезда в Тбилиси**

ской жизни театра – преступление». В одном из его писем появляется строка: «Значит, поставил точку и выписал сюда всех… На два дня пока легче стало». То есть, приглашаются артисты, начинается работа над пьесами Островского и Шекспира, задумывается постановка «На всякого мудреца довольно простоты» силами МХАТа и Малого театра, обсуждается вариант поработать на кабардинской сцене… Но при всем этом в Нальчике ему не по себе, он рвется в Москву. В Комитет по делам искусств уходят телеграмма за телеграммой, «Владимир Иванович уже собирается обратно в театр», – пишет сыну Качалов. А потом из Москвы приходит предложение о переезде в Тбилиси. На родину ему, конечно, ох, как хочется, но сомнения все же одолевают – как никак, возраст, 83 года:

«А хватит ли меня? Ведь надо будет смотреть грузинский драматический, оперный, русский драматический и по каждому выступать и выступать вообще, и банкеты!.. Не выдержу, «не забывай о возрасте!» Да и 400 километров автомобиля! Нет, остаюсь в Нальчике. Работать! Диктовать! Давайте сюда Орловскую. Потом все снова – сначала. Нет, в Москву! Нет, остаюсь! Нет, Тбилиси. И еще выписать сюда наших. И так иногда буквально каждый день…» Затем решение принимается: «Я, наконец, кажется, выбыл из положения буриданова осла: вязанка первая – Москва, вязанка вторая – Нальчик и третья – Тбилиси». В третьей декаде октября Владимир Иванович уезжает из Нальчика в Орджоникидзе (нынешний Владикавказ), там его уже ждет Акакий Васадзе, ставший художественным руководителем Театра имени Руставели. И по Военно-Грузинской дороге они отправляются в Тбилиси.

И СНОВА ТБИЛИСИ

В родном городе ощущении совсем иные: «Разместились не плохо. Все наслаждаются климатом, городом… Здесь не только спокойно, но и радостно… Город чудеснейший, отношение к нам великолепное, ко мне лично в особенности, и от общественности, и от правительства». Кстати, о правительстве. Такой уж

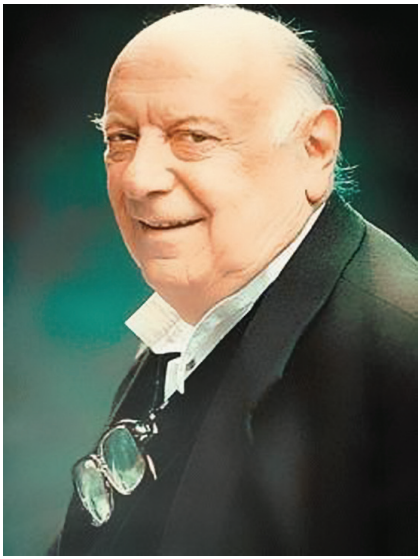
город Тбилиси, что о каждом значительном событии в нем должна родиться байка, невзирая на чины. Не обходится без нее и после того, как Васадзе с именитым гостем торжественно появились на правительственном «ЗИСе». До сих пор в Тбилиси поговаривают о том, что встретил их управляющий по делам искусств Совнаркома Грузинской ССР и радостно заявил: «Здравствуйте, товарищ Немирович! А где же товарищ Данченко?» Что ж, даже, если это и было на самом деле (руководящих товарищей и не так заносило), то, истины ради, надо отметить: абсолютное большинство тбилисцев прекрасно знало, кого принимает их город. И встретило земляка с восторгом.

Достаточно послушать рассказ замечательного актера, народного артиста Грузии, прославившегося и эмоциональными футбольными телерепортажами Котэ Махарадзе. Который спустя десятилетия с присущим ему юмором говорил, что является единственным в мире человеком, назвавшим свой театр одного актера именем тещи – «Верико». Ведь в его семье были две великие грузинские актрисы – Верико Анджапаридзе и ее дочь Софико Чиаурели. Ну, а тогда, он был шестнадцатилетним школьником, правда, отнюдь не чуждым театру – успел закончить хореографическое училище. Его воспоминания – та самая песня, из которой не выкинуть слова. В них живет такой дух военного времени, что просто нельзя не процитировать их полностью:

«Это была удивительная зима 1942 года в Тбилиси. Большую группу выдающихся деятелей искусств из Москвы, Ленинграда, Украины эвакуировали в столицу Грузии. Немирович-Данченко, Качалов, Книппер-Чехова, Рыжова, Тарханов, Массалитинова, балерина Марина Семенова, певцы Гришко, Частий, Кипоренко-Даманский, известные композиторы и пианисты Сергей Прокофьев, Игумнов, Гольденвейзер и многие другие. Приехал к себе на родину и Вахтанг Чабукиани.

Когда слух об эвакуации прошел по Тбилиси, мало кто этому поверил. Ошеломляющее начало войны подавляло и угнетало. Фронт вплотную приблизился к Главному Кавказскому хребту. После полуночи Тбилиси погружался в кромешную темноту. Место наших постоянных встреч – всегда праздничный и шумный про-

▼ Котэ Махарадзе



спект Руставели потерял свою прелесть и праздничность, как-то приуныл, а с наступлением ночи вовсе становился холодным и чужим. Но ребята сразу пронюхали, где разместились мастера искусств, и мы всей ватагой отправились к гостинице «Тбилиси», что напротив нашей школы, рядом с Театром Руставели.

Так было угодно судьбе, что все главные события моей жизни происходили именно здесь, на этом родном, дорогом моему сердцу пятачке. У гостиницы «Тбилиси» народу полным-полно. Всем хочется увидеть живьем Немировича-Данченко, Качалова, Книппер-Чехову, Тарханова... Немирович-Данченко – особая статья. То, что он тбилисец, знали все, но не всем было известно, что он воспитанник первой гимназии. «Наш!» – с гордостью говорили мы.

Вот в дверях гостиницы появляется Владимир Иванович. Было невозможно поверить, что ему 83 года. Подтянутый, весь какой-то «накрахмаленный». Быстрый шаг, стремительные движения. Тыльной стороной ладони часто поглаживает свою необычайной белизны бороду. Все в нем необычно. Его встретили в дверях и куда-то повели. Мы пристроились к сопровождающей группе. Пересекли проспект, взяли чуть левее и, наконец, вошли... во двор нашей школы. Оказывается, первое, что попросил Немирович-Данченко, – посетить родную школу и найти дом, где он когда-то жил. Походил по школе, о чем-то поговорил с окружающими, улыбаясь воспоминаниям. А дом, где он жил, так и не нашли, его к тому времени снесли.

Руководство театрального института решило устроить гостю пышную встречу. Отобрали самых красивых девушек с разных курсов и факультетов, одели в белые парадные платья. У каждой – по гвоздике в руках, стоят такой живой аллеей по всей длине лестниц. Институт находился на самой верхотуре Театра Руставели, примерно на высоте шестого этажа. Естественно, все побаивались, не окажется ли этот парад-проход слишком большой нагрузкой для гостя. Но выход из положения нашли, отыскали решение «сценического куска». Каждая студентка, вручив гостю гвоздику, должна была подхватить под руку Владимира Ивановича и пройти с ним три шага, затем то же самое проделывала следующая и т.д. Репетировали долго и добились четкой синхронности в движениях. Когда Владимир Иванович вошел в здание института, он остановился как вкопанный: настолько красиво и необычно все выглядело.

Белизна мрамора, стройные, как на подбор, красавицы с гвоздиками в руках... Расцеловав первую пару девушек, он пошел к лестнице. Его подхватили с обеих сторон. Через несколько шагов – снова гвоздики, и другая пара красавиц берет гостя под руки. Приближаясь к третьей паре студенток, Владимир Иванович резко остановился. Секундное раздумье – и, легко высвободившись, он развел руки в стороны, как бы показывая, что ни в чьей подмоге не нуждается, и быстро-быстро, мо-

ментами перепрыгивая через ступеньки, помчался вперед.

Трудно передать, какими аплодисментами был встречен он в конце своего спринтерского «пролета». И если находчивость Владимира Ивановича никого не удивила, то по-юношески спортивная форма человека, разменявшего девятый десяток, не могла не вызвать восхищения. Ничего показного в этом не было. Спонтанный всплеск энергии вечно юного сердца».

«ОН ОДАРЯЛ СВОИМИ КРЫЛАТЫМИ МЫСЛЯМИ»

Не менее радушно принимали гостя и на неофициальном уровне. Его именины празднуют в июле, в доме кинорежиссера Михаила Чиаурели, и за столом царствует великая Верико Анджапаридзе. А это – свидетельство самого Чиаурели о встречах уже на «территории» Немировича-Данченко, в гостинице. Застолий, подобных тем, какими встречают в грузинских домах, там, конечно, не было. Но атмосфера была незабываемая: «Как часто в те времена работники грузинских театров собирались у Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Как длительны и содержательны были эти беседы, с каким вниманием слушали мы медлительную, вдумчивую речь этого величайшего мастера сцены, гениального режиссера и знатока искусства. Хозяин наш был щедр. Он одарял нас своими крылатыми мыслями. Глубоко и серьезно вникал он во все детали нашей культурной жизни, помогал нам словом, советом, показом. Подолгу и внимательно смотрел он наши кинокартины, знакомился с актерами, учил их».

А вот – переполненные залы Дома офицеров и Театра Руставели, возле которых спрашивают лишний билетик на публичные лекции Владимира Ивановича и на его творческий вечер с воспоминаниями о Тифлисе своего детства, сбор с которого идет в Фонд обороны. «В этом городе прошли мои гимнази-

▼ Михаил Чиаурели

▲ **Верико Анджапаридзе**

ческие годы, – напоминает режиссер. – Здесь я получил свои первые театральные впечатления, здесь я делал вместе с Сумбатовым-Южиным свои первые шаги в сценическом искусстве. Все это хотя и «дела давно минувших дней», но дела, заложившие фундамент для всех театральных работ моих… на длинный ряд десятилетий.

А на первой же лекции в Руставелевском театре он говорит своим землякам: «Вы, актеры грузинского театра, романтики по природе, вам подходит романтическое на сцене. Мы скоро столкнемся с вопросом о романтизме, когда начнем работать над «Лиром». Какое бы ни было направление спектакля, форма спектакля, актер должен создавать живого человека, становиться им. Искренность до дна. Фальшивая театральная романтика убивает всякое значение театра. Если театр лжет – он вреден. Поэзия в искусстве – награда за честное и глубокое проникновение в правду». В записях для бесед с актерами-руставелевцами – дружеское наставление: «Создатель спектакля – режиссер или актер, должен быть социально воспитанным человеком. Когда он начинает работу, он и как художник, и как гражданин, и просто как член человеческой семьи должен обладать чуткостью в вопросах этики, идейности, политической устремленности, гражданственности».

«Мне очень трудно вспомнить сейчас подробности его бесед, – признается Котэ Махарадзе, – но, как юноше, уже решившему стать артистом, мне запомнились некоторые его мысли, касающиеся актерского ремесла. Помнится его удивительное отношение к артисту. Профессию актера он ставил во главу угла всего театрального искусства… Как это не вяжется с принципами построения театра, проповедываемыми некоторыми современными режиссерами, где артист отбрасывается на второй план, где предпочтение отдается тому, кто меньше выделяется своей самобытностью и дарованием, кто покорнее, податливее, задает как можно меньше вопросов».

Большие рабочие планы у Владимира Ивановича и на этот при-

езд. О них можно судить по его письмам из Тбилиси:

«Я здесь нахожусь вот уже месяц. Пока заканчиваю те воспоминания о моих первых театральных впечатлениях в Тбилиси, которые Вы знаете, и через неделю хочу выступить с ними в отдельном вечере (сбор с этого вечера отдам на оборону). А наши начали вчера, 28-го, концертным выступлением – Качалов, Ольга Леонардовна, Тарханов, Шевченко, Массалитинова, Климов, Рыжова».

«Предполагаем еще поставить (уже начали репетиции) «Мудреца». Для Глумова взяли одного из лучших актеров здешнего театра. Хороший (как считают театроведы, речь может идти об актере Грибоедовского театра Владимире Брагине – прим. *В.Г.*)… А я, очевидно, буду проводить мое искусство в театрах Руставели, Марджанишвили и в Большом оперном… 27-го смотрел Хораву и Васадзе в «Отелло». Хорава Отелло замечательный. Нахожу даже, что это явление театральное»…

«Здесь, в Тбилиси, когда я репетировал с нашими «Мудреца», я начал наблюдать в Ольге Леонардовне что-то новое, чего от нее нельзя было добиться годами. Так вот, «Антоний и Клеопатра» на ближайший год, а «Гамлет» уже на следующий. Я совсем приготовился ставить это здесь, в театре Руставели, тем более, что Хорава отлично подходит к Антонию, и, говорят, хороша Клеопатра. Если бы я не заболел (на 5 месяцев!), я бы, вероятно, наладил постановку».

Увы, болезнь мешает ему осуществить задуманное, в том числе и подготовку к постановке «Короля Лира». Письма прямо свидетельствуют об этом:

«С этим несносным бронхитом, способным омрачить самые жизнерадостные часы!.. И у профессоров-то какое-то безнадежное выражение лица. Я уже месяца два слышу две фразы: «Вот установится настоящая погода, и все как рукой снимет. Недели две подождем!» И другую: «Небывалая в Тбилиси погода! Никто не помнит! В это время всегда уж давно ходят без пальто, как летом, а тут холод и даже снег!» И вот только дня три (!) как говорят: «Ну, погода устанавливается, теперь через несколько дней все будет отлично!» Но я уже знаю, что это означает: что через несколько дней должно начаться выздоровление, – так сказать «Барвиха». И надо 3 недели. Иначе опять влетишь. Я этой «Барвихи», выйдя из больницы, не провел».

«За почерк извините, сейчас пишу лежа. Из одного окна – телеграф, а из другого – гора Давида с храмом… А в театре Руставели уверены, что дело со мной пойдет так: вот через несколько дней я встану, значит, через недельку начну постановку… которую сдам примерно в декабре!»

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ РАЗНЫХ КРИВОТОЛКОВ»

▲ **Гостиница «Тбилиси» в советское время**

Кстати, о Руставелевском театре. С ним связаны два любопытных текста. Это – выписка из приказа по театру от 3 декабря 1941 года: «Согласно приказу №455 управления по делам искусств при Совнаркоме Грузии, для участия в творческой жизни ордена Ленина театра имени Руставели назначить народному артисту СССР Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко с 1 декабря с.г. зарплату в размере четырех тысяч (4000) рублей в месяц. Директор театра имени Ш.Руставели А.Васадзе». А это – письмо Немировича-Данченко своему личному секретарю и секретарю дирекции МХАТа Ольге Бокшанской, написанное в конце апреля 1942-го:

«…Во избежание разных кривотолков. С театром Руставели с первых же дней моего приезда завязались переговоры о моей работе. Я ставил вопрос так: не знаю еще, как пойдет зарплата из Москвы; если мне ее будет хватать, то никаких денег я брать с вас не буду. Буду работать сколько смогу и как смогу. Если же не хватит, буду брать с вас, хотя бы и много. Такая форма их не устраивала, чисто канцелярски, бюджетно. И кончили на том, что театр назначил мне 4.000 в месяц. Однако прошел октябрь, прошел ноябрь, я работать не начинал и потому денег не брал. Но в декабре приступил. Сначала к ряду бесед. Провел две и уже получил первую плату за декабрь и – свалился. Болезнь – январь, потом февраль я не работал и от всякого жалованья, конечно, отказался. Они настаивали на «бюллетене» и еще чем-то – я отклонил. Так больше ничего и не получал. Но так как я подготовил полностью план работы и действительно через несколько дней могу начать репетиции, то так и сказал: сколько понадобится, я, может быть, возьму потом, когда дело покатится. А до тех пор – ни рубля».

Согласитесь, похвальная (и назидательная для сегодняшних дней) щепетильность именитого Мастера. Который, между прочим, мог бы выставлять любые материальные требования – руководителю театра, которому покровительствовал сам Сталин, ни в чем не было бы отказа. А не позволяет «зарваться» не только себе, но и другим. Из письма,

▲ **Владимир Немирович-Данченко в Руставелевском театре с участниками спектакля «Киквидзе»**

отправленного опять-таки Бокшанской: «Материалы по заседаниям Сталинского комитета все подобраны и в особой папке будут переданы Вам. Кстати: в Куйбышеве членам комитета за каждое заседание платили по 100 руб., а я сказал, что это нарушение бюджета, и платил по 50».

Да, в феврале 1942-го, в Тбилиси, Владимир Иванович еще и ведет заседания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, который возглавляет с момента его учреждения в апреле 1940 года. Обсуждения художественных работ ведет с И. Грабарем, Ю. Шапориным, Н. Мясковским, А. Хорава, М. Чиаурели, А. Гулакяном, У. Гаджибековым, А. Гольденвейзером. Дает хорошие отзывы о работах художника П.Кончаловского, писателей Льва Кассиля и Ильи Эренбурга… «Все протоколы, стенограммы заседаний Комитета Сталинских премий в отдельной папке…»

Заседания комитета проводятся прямо в «люксе» гостиницы «Тбилиси». Интересно взглянуть на план этого номера, нарисованный самим Владимиром Ивановичем. Три окна выходят на угол проспекта Руставели и улицы, которую режиссер обозначает по старой памяти как Барятинскую. Уже тогда она была переименована в Джорджиашвили, а сейчас носит имя Георгия Чантурия. Вне здания гостиницы на чертеже обозначения: «Бывшая гимназия», «Александровский сад»… То есть, немногие сохранившиеся места детства.

Сразу после приезда, в октябре, он писал в газете «Заря Востока»:

«Стоило мне провести один день в моем родном городе Тбилиси, чтобы увидеть те поистине чудесные завоевания, какие произошли и здесь». Но старый, с малых лет родной Тифлис уже уходит. И через некоторое время у Владимира Ивановича уже звучит грустинка: «Вообще, как будто я в этом городе никогда не бывал, а где-то читал о нем, о прежнем».

Наверное, вспомнилось ему тогда письмо любезного его сердцу Сумбатова-Южина, который еще в начале 1920-х писал ему в Москву: «Особенно хочется тебе писать отсюда, из Тифлиса, откуда мы с тобою пустились в широкое море большого труда. С виду Тифлис – почти тот же, что и в дни нашей молодости. Майдан и Головинский, Куки и Вера, бани и Сололаки, наша гимназия и реальное училище почти все то же, разве несколько обветшало и точно стало меньше. Конечно, улица уже вся не та, не прежняя, хотя, по-моему, здесь больше, гораздо больше уцелело «бывших» людей, чем у нас. Но они все слиняли, все ушли в себя… Конечно, солнце, тепло, профили гор – все это дает сильную разницу с тем, что видишь по ту сторону хребта. Тифлис сам по себе мне теперь показался красивее чем раньше. Но внутренний налет – серый и туманный».

Конечно, здесь можно сделать скидку на извечный принцип «когда я был молодым, все было лучше». Но и по сей день в сердцах старых тбилисцев живет ностальгия по уходящему неповторимому колориту. Быт города даже той поры, о которой без восторга писал Сумбатов-Южин, сегодня многим кажется почти идеальным. Что ж, ни со временем, ни с человеческой натурой ничего не поделаешь…

« Я МНОГО РАБОТАЮ…»

Ну, а Немирович-Данченко в 1942-м, несмотря на болезнь, живет еще и заботами родного театра: «Шлю сердечный привет всему театру в целом и каждому члену коллектива порознь. В невольном уединении я всеми помыслами и подготовительными работами был связан с вами. Я упорно, бескомпромиссно занимался вопросами, выдвинутыми современным положением нашего театра… Вероятно, оттого, что я все время болезни (почти 5 месяцев) думал о постановках, читал, записывал, фантазировал…» В Тбилиси он разрабатывает детальные наметки будущих постановок пьес столь разных авторов: «Леса» А.Островского, «Русских людей» К.Симонова, «Антония и Клеопатры» Шекспира, дилогии Алексея Толстого об Иване Грозном. «Новые горизонты открываются, когда берешься за пьесу не от знакомых, старых сценических образов, а от жизни, психологии и пьесы». И примечательно, что он даже наступает на горло собственной песне, если считает, что

работа, которой уже отдано много сил, пока не соответствует времени, настроениям людей:

«Не могу отделаться от мысли, что «Гамлет» не своевременен. Я ли уж не хочу этой постановки! Я ли не взлелеял ее десятками лет!.. И вот все же думаю – «Гамлет» не ко времени. Разбираясь в репертуаре, мы представляем себе настроение залы, звучание пьесы, когда она пойдет… После войны, после пережитых волнений, зрительной залы бодрой, налаживающей новую полосу жизни. Жаждущей веры в лучшее… И вдруг – мятущийся в сомнениях Гамлет, пессимистически настроенный поэт и шесть смертей в одной последней сцене!.. Что было бы замечательно в годины спокойных размышлений и мечтаний, то может показаться ненужным в вечера, еще дышащие тяжелейшими испытаниями, в часы жажды яркой комедии, пафоса без малейшей меланхолии, проблем полнокровных, мужественных».

В письмах из Тбилиси он делится своим видением воплощения сценических образов, откликается на последние работы композиторов, и даже высказывает мнение о задачах оперного театра, о путях воспитания актера-певца. Это легко понять: в 1941 году в Москве был создан театр, объединивший Оперную студию Станиславского при Большом театре и Музыкальный театр имени Немировича-Данченко, созданный из Музыкальной студии МХАТ. Кстати, до войны в Музыкальном театре ставил танцевальные номера выдающийся грузинский танцовщик, балетмейстер и хореограф Илья Сухишвили.

А в эвакуации Владимир Иванович жил и делами нового театра, который был единственным, не уехавшим из Москвы. Проблемы, стоящие перед МХАТом, он обсуждал со специально приехавшим из Свердловска актером Хмелевым, которому передал руководство той частью труппы, которая эвакуировалась в этот город: «С Николаем Павловичем мы беседовали отлично. 7 встреч по 3 – 1 1/2 часа без перерыва. И искренно. И глубоко».

Он пишет не только заметки «Лицо нашего театра». Вот его сообщения из Грузии: «В грузинской газете («Коммунисти») напечатаны куски первой части, а в «Заре Востока» куски из второй части. Вся рукопись у меня имеется». В этой газете

печатается его статья «Сценическая юность». Пишется и отправляется в Москву статья для Всеславянского антифашистского комитета «Кого мы защищаем? Кого и что в Отечественной войне спасаем?» В большом материале отдается дань памяти народному артисту СССР, актеру Малого театра Михаилу Климову, игравшему купца Кнурова в знаменитом фильме Якова Протазанова «Бесприданница». Он выступал и в эвакуации, скончался в Тбилиси и похоронен на Верийском кладбище.

Именно в Тбилиси Владимир Иванович узнает, что ему и актерам Борису Ливанову и Алексею Грибову присуждена Сталинская премия за спектакль «Кремлевские куранты». Когда эта весть приходит из столицы, ему уже известно, что там налаживается театральная жизнь: «Как только донеслось до нас о провале генерального наступления на Москву, начались мечты – планы возвращения». В конце концов, правительство организует пожилому мэтру удобный и быстрый перелет, и в сентябре 1942-го он сообщает: «Вот уже три недели, как я в Москве… В Москве тихо, пусто. А в моем театре каждый день полно публики. Как будто и войны нет никакой… Вечерами темно, спектакли начинаются в 6 часов. Я много работаю. Здоров… Погода было испортилась, холод, ветер, а вот сегодня за окнами солнце, чистое небо».

На это раз он уезжает от тбилисского солнца и неба навсегда – через семь месяцев очередной сердечный приступ оказывается смертельным. Не стало человека, прожившего столь большую и очень насыщенную жизнь, так много задумавшего и столько успевшего сделать. Среди сделанного – и воплощение такого желания: «Мне очень хочется отдать свой опыт и знания театрам Тбилиси, города моего детства и юности, чтобы хоть немного поквитаться за все то, что я 60-70 лет назад получил от него…»

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თაყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მადლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕТИЙ СЫН БРАВОГО ПОДПОЛКОВНИКА 5

«НЕ ВЫПУСКАЮЩАЯ ИЗ СВОИХ ЧАР АТМОСФЕРА ТЕАТРА…» 10

ТЕАТР НА ПОДОКОННИКЕ 13

ОПЬЯНЕНИЕ ТЕАТРОМ 18

«РУССКИЙ ДЮМА» 20

«ЗАРАБАТЫВАЛ И ОСТАВАЛСЯ НЕЗАВИСИМ» 24

ВПЕРВЫЕ ЗА КУЛИСАМИ 26

«НА ВЫЕЗД ИЗ ТИФЛИСА ПРЕПЯТСТВИЙ НЕТ» 29

НЕ АКТЕР, НО ЛИТЕРАТОР И ДРАМАТУРГ 32

НА КАВКАЗ, В ЭВАКУАЦИЮ 37

И СНОВА ТБИЛИСИ 40

«ОН ОДАРЯЛ СВОИМИ КРЫЛАТЫМИ МЫСЛЯМИ» 43

«ВО ИЗБЕЖАНИЕ РАЗНЫХ КРИВОТОЛКОВ» 46

« Я МНОГО РАБОТАЮ…» 48

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

ОПЬЯНЕНИЕ ТЕАТРОМ ПО-ТБИЛИССКИ

ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Над книгой работали
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
НИНА ШАДУРИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ

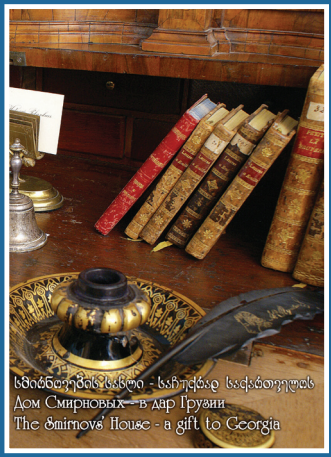
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

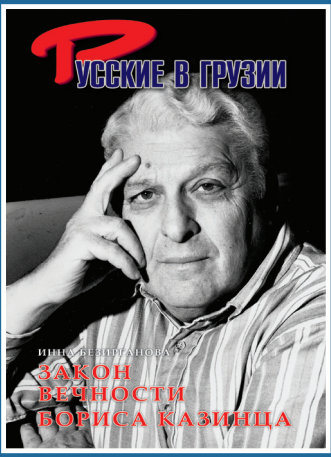
Sponsor

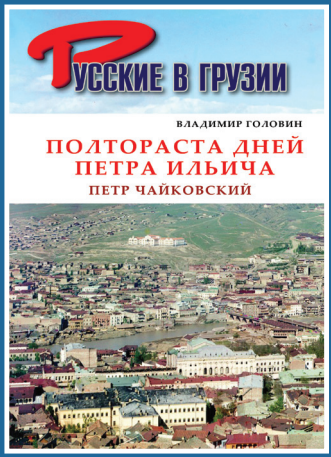
VTB

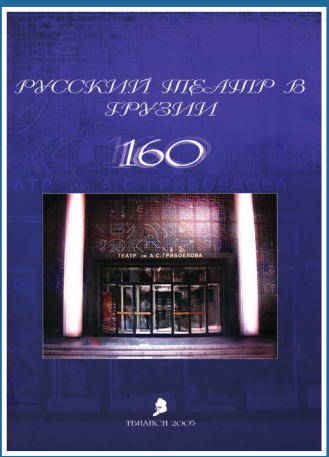
Издание осуществлено при поддержке
ОАО Банк ВТБ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»









МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

Владимир Георгиевич Головин – Поэт, журналист, член Союза писателей Грузии и редколлегии журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russianbazaar (США) различных изданиях Израиля. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в альманахах «Иерусалимские страницы», «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», сборниках «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекресток».

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru